



ПОЭЗИЯ "ЦИРКА" ОЛИМП

ВИТАЛИНА ТХОРЖЕВСКАЯ

* * *

Перрон оттолкнув как дитя
нелюбимое: взглядом
уходит земля из-под ног -
отдаваясь на милость
движенью - как строчка которая
только приснилась
и сразу ушла - от нее мне и слова не надо:
"в бега". Это странно, но менее - чем
оставаться:
здесь втрое больней от любви, чем от
вечной разлуки.
Когда потемнело он вытянул фары как
руки
и рельсы читал как молитвы на четках
пространства.
Пером оттолкнув от себя бесприютное
слово
"в бега" - продолжаю строку темноту
раздвигая
с трудом пробираясь сквозь дождь но
меж тем развивая
ту скорость забвенья которая жизни
основа
шел поезд. Шел поезд - стуча, грохоча и
мерца.
По рельсам шел дождь балансируя в
небе руками
сигналила звездами ночь, а за нею
другая
как кошка горбатая скачет глазами
мигая.
Две черные кошки. Двухлунные желтые
плошки.
Ты сделал оплошность перрон оттолкнув
как калеку
с протянутым клювом синицу. Ты сделал
оплошность.
Две черные кошки. Тебе никуда не
уехать.
И некуда было уйти от себя человеку
в двухспальном, но мнимом купе в
отраженном вагоне
на краденой полке трясясь ты бежал из
Флоренции в Мекку,
а там - за окном - улыбалась медуза
Горгона...

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Словами умными и темными пугать
ворон Восточной улицы
Все головы назад повернуты Вороны
смотрят на Восток
Скакала векшею по дереву Стекланных
глаз мерцали пуговицы
Погода выдалась нелетная Умолк
залетный воронок

Моих собак глаза дождливые Моих
детей глаза хорошие
Моих старух улыбки свернуты в две
строчки тарабарских букв
По свежeverытому городу идут погожие
прохожие
(от этих слов фонарь засветится и дым
навалится из труб)

Я не хочу словами темными перстами
тихими незрячими
бродить по струнам заторможенно как
бредит маятник во тьме
Моих друзей глаза бесстыжие на
человечьи непохожие
войдут в нетопленную комнату и сгинут в
коммунальном сне

И я пойду бродить по городу и стражников
пытать вопросами:
не видели ? ах нет не видели ? ах
дяденьки скажите мне
Он вышел в дождь дырявой тапочкой ? Он
задохнулся папиросами ?
не видели ? ах нет не видели ? Он
растворился в вышине...

Ответят стражники-бодяжники хлебнув где
горлышко отколото:
иди девица и не спрашивай ! вставай
девица и иди ! -
опять хлебнут потом подумают (они
подумают: эх молодость
все песни на уме да песенки а жизнь не
поле перейти).

там где надо кричать и не стой
под приказами !

/1/

трещит амфитеатр антителями
трагедия античность сухость треск
с разломленными надвое бровями
в на-тысячи-разломленном лице
бесплатный хлеб арена бредит кровью
ночами осыпаются круги
нет зрителей одни надгробья
и Антигона на подмостках тьмы

/2/

Поднимайся поскорее, Антигона!
Лампочку крысину затепли.
Ныряй в холодрыгу, теряя тапочки:
Снег выпадает на твою седую голову.

Бери, Антигона, кирку да лопату,
С киркой да лопатой бреди по сугробам.

позвонят пустотой разлетаясь на тонкие
клучья

Смерть видать заждалась как горячее конское
ржанье
по лесам - на рысях по полям - с
разразившейся гривой
приближенье-причастность-причастие-и-
причитанье
разольются слезами во тьму мехового
прилива

Бег несчитанных ног Боги памяти боги
молчанья
но сорвался с цепи голос мой-голос мой-
голос мой - и -
грабастая снег - и - влетаясь в чужое
дыханье
наваждением жизни поплыл над зеркальной
землею

На полях на полянах на пастбищах диких
двустволок
ты спешила лежишь но не встанешь как
тонкая скатерть
жертва трех городов и шести безымянных
поселков
всех матерых моих зверолика нежная
Мать

* * *

Первое тело ее - это тело Шивы,
Второе тело ее - это тело шлюхи,
Третье тело - цепкий кусок металла
Мирно спит в кармане у майора напротив.

Но первое тело ее рождает вшивых,
Второе тело ее рождает сирот,
Третье рождает тревожные слухи
Сквозь тишину комендантского часа.

Но она зовет тех, кто не отзовется,
Она любит тех, кто никогда не будет,
Кто никогда не постучит в ее двери,
Кто никогда не разорвет ее круга...

И она находит свое тело в первом
встречном.
Она идет и несет на себе тело Шивы,
У него в холодных зрачках тело шлюхи,
У него в кармане бьется металлическое
сердце.

Но он, проходящий сквозь двери,
Он, поглощающий звуки,
Он пройдет сквозь нее, как вечерний ветер,
И она разглядит в темноте только контуры
тела -
Тела Шивы, тела шлюхи,
Тела железа в кармане у майора
напротив...

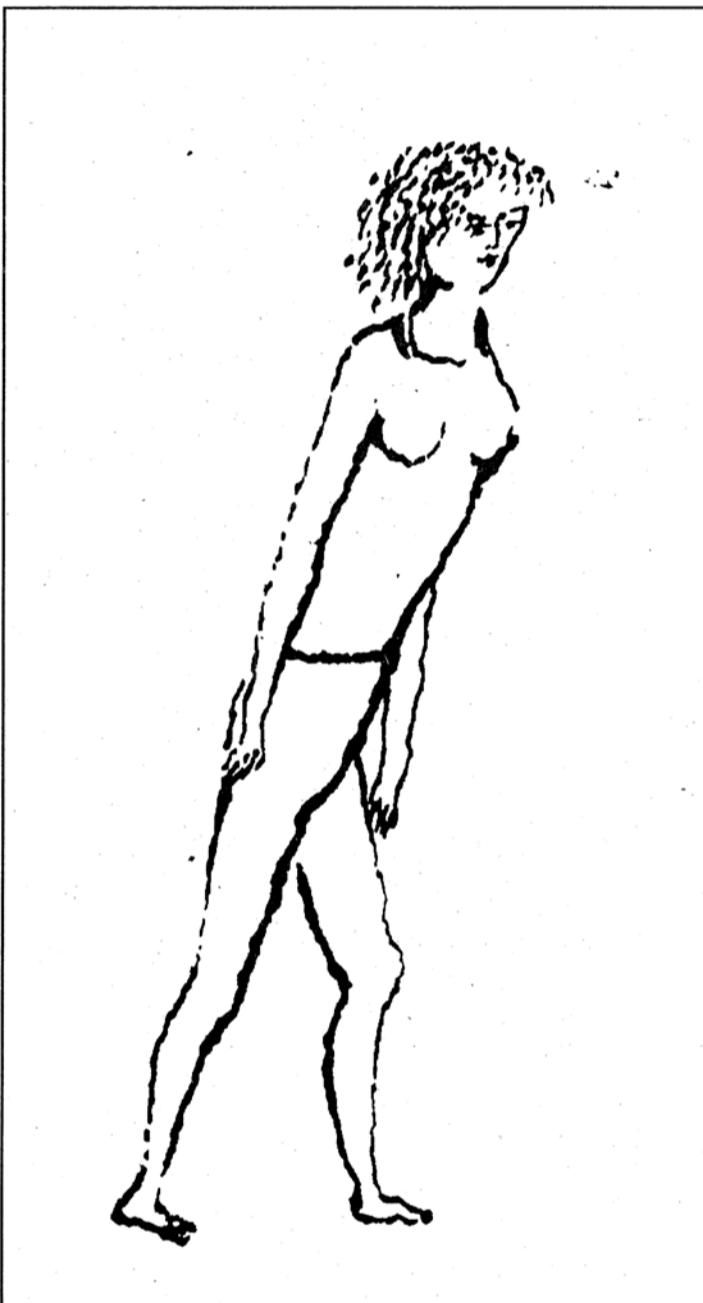
И опять она зовет тех, кто не отзовется,
Она любит тех, кто никогда не будет,
Кто никогда не постучит в ее двери,
Кто никогда не разорвет ее круга...
Ее поля... ее круга...

СЛЕЗА НА ЗАВТРАК

Довольно слез, довольно поз,
путей трамвайных, площадей -
на всех невест не хватит роз,
на все распятия - гвоздей.
Пусть в темноту уйдут бойцы -
за черствый хлеб, за самогон.
Пусть подрастут мои-птены
под серым небом-сапогом.

В стране богов и кулаков,
в кругу забытых косяков -
полна столица босяков,
еретиков, палат умов.
Народ героями богат,
пространство падает в окно,
пейзаж деревьями горбат.
Мне здесь оставлено одно.

Бежала быстрая вода:
вся - между пальцев, мимо рта -
Тебе - холодная звезда.
Мне - бесконечная черта.
Устам младенца вышел срок.
Подрок сынок и побежал -
молва хватала за висок,
в пустых глазах засох букварь:
Слеза на завтрак.



В белом венчике декабря-февраля.
Двенадцать братьев на твою седую голову.

ЖЕРТВА

Жертва трех городов и шести безымянных
поселков
по проселочной трассе дождя в разложившейся
глине
торопись торопись торопись все равно не
спасешься
для растений замешана глина в суровый
суглинок

Одуванчиком станешь березой мать-мачехой
липой
прахом снега падешь вознесешься на крыльях
галчонка
чтоб вернулся в тебя небосвод неразгаданным
ликом
чтоб волчком в облаках закружилась презренья
воронка

Тяжелеет луна Значит падать и падать и падать
разбиваться о наст зацепляясь за черные сучья
но орла-ее-решки на призрачной грани распада

1996 № 18

14

АНТИГОНА
Не пой,